

Бускэ и Сюаресъ, не относится только къ литературѣ и не составляетъ какой-либо доктрины. Это — почти исповѣдь трехъ современниковъ, чувствующихъ, что въ мірѣ неблагополучно, что общество построено на основаніяхъ, уже обветшавшихъ, и что необходимо въ себѣ и вокругъ себя что-то передѣлать, чтобы дышать.

«Я варваръ, я только что родился. У меня больше нѣтъ памяти: у меня еще нѣтъ ея.

Въ каждое мгновение я пересѣкаю міръ совершенно новый, котораго я никогда еще не видѣлъ... (Сюаресъ).

Это ощущеніе сближаетъ авторовъ «Свободнаго пути» съ сюрреалистами, съ которыми и социологъ Ламуръ и философъ Бускэ и лирикъ Сюаресъ согласны, это все старое надо разрушить. Но тогда какъ ихъ предшественники остановились какъ будто на проповѣди разрушенія, авторы «Свободнаго пути» пытаются указать выходъ: въ душевной дѣятельности современнаго человѣка, еще не достаточно напряженной.

Для людей, утверждающихъ, что Европа идетъ къ гибели, сама того не понимая, книга трехъ французскихъ писателей можетъ быть лишнимъ свидѣтельствомъ, что близость катастрофы, угроза гибели многими здѣсь сознаются. И если средства, предлагаемая въ «Свободной дорогѣ» для спасенія человѣчества еще не достаточно убѣдительно объяснены, — нѣтъ все же никакого сомнѣнія, что авторы трехъ статей-манифестовъ многое продумали и прочувствовали и что въ ихъ строчкахъ есть иногда слѣдъ напряженнаго внутренняго опыта.

Н. О.

Б. Вышеславцева. Сердце въ христіанской и индійской мистикѣ.
Изд. УМСА, Парижъ 1930.

Понятія, какъ и слова, живутъ собственной независимой жизнью. Эволюционируетъ не только языкъ, — но и то, что онъ выражаетъ. Мѣняется смыслъ словъ и содержаніе, въ нихъ вкладываемое, какъ мѣняется психологія человѣка, его умъ, эпосъ, условія, въ которыхъ онъ живетъ. Потому такъ трудно толкованіе древнихъ религіозныхъ текстовъ, особенно при свойственной намъ иллюзіи незыблемости понятій.

Многіе библейскіе термины, имѣющіе, казалось бы, вполне определенное содержаніе, воспринимаются нами въ совершенно иномъ преломленіи, чѣмъ они воспринимались употреблявшими ихъ авторами или ихъ современниками. Примѣромъ можетъ служить представленіе о сердцѣ, которому посвящена недавно вышедшая книга проф. Б. П. Вышеславцева «Сердце въ христіанской и индійской мистикѣ».

Что въ дѣйствительности общаго между выраженіемъ «сердечный человѣкъ», которымъ мы такъ часто пользуемся въ нашей повседневной рѣчи, и «сокровеннымъ сердца человѣкомъ» апостола Петра?

Да будетъ украшеніемъ Вашимъ
[не внѣшнее плетеніе волосъ,
Не золотые уборы или нарядность
[въ одеждѣ,
Но потаенный (сокровенный)
[сердца человѣкъ
Въ нетлѣннн безмолвнаго и крот-
[каго духа,
Что драгоцѣнно передъ Богомъ.
(Петра I, 34).

Сердце обратилось для насъ въ метафору, настолько неразрывно связанную съ чувствами — естественная дань сентиментализму и психологизму нашихъ дней — что необходимо продѣлать большую предварительную работу, чтобы приблизиться къ правильному пониманію словъ апостола.

Терминъ сердца встрѣчается въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ, но несомнѣнно одно — ему не могутъ быть приписаны однѣ только функціи «органа» чувствъ. Это касается и всего древняго міра (у грековъ, напримѣръ, сердце считалось вмѣстилищемъ ума). «Библия же, какъ говоритъ Вышеславцевъ, — приписываетъ сердцу всѣ функціи сознанія: мышленіе, рѣшеніе воли, ощущеніе, проявленіе любви, проявленіе совѣсти, болѣе того, сердце является центромъ жизни вообще — физической, духовной и душевной. Оно есть центръ прежде всего, центръ во всѣхъ смыслахъ».

И въ другомъ мѣстѣ: «Сердце на религиозномъ языкѣ есть нѣчто очень точное, можно сказать математически точное, какъ центръ круга, изъ котораго могутъ исходить безконечно многіе радіусы, или свѣтовой центръ, изъ котораго могутъ исходить безконечно многообразные круги».

Надо добавить къ этому, что сердце для авторовъ библейскихъ книгъ есть нѣчто таинственное, оно скрыто не только для чужого взора, но является тайной и для самого человѣка. Глубина его доступна только Богу.

Тутъ мы подходимъ къ самой сущности христіанской мистики сердца. Понимаемое, какъ средоточіе всего нашего существа — духовнаго, душевнаго и физическаго, — доступное одному Бо-

гу, сердце является и органомъ богопознанія. Только въ глубинѣ сердца возможно соприкосновеніе и общеніе съ Божествомъ, какъ это подтверждается множествомъ евангельскихъ текстовъ (сердце есть органъ для воспріятія Божественнаго Слова и Дара Духа Святого).

Тѣмъ же менѣе ученія о сердцѣ въ собственномъ смыслѣ слова христіанство не знаетъ. Католическій культъ Сердца Іисусова имѣетъ къ нему лишь косвенное отношеніе. Наоборотъ, въ индійской священной литературѣ ученіе о сердцѣ является важнымъ моментомъ ученія о человѣкѣ и въ данномъ случаѣ изученіе ведическихъ текстовъ представляется чрезвычайно цѣннымъ. Основа этого ученія поражаетъ своей близостью къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ приходитъ Вышеславцевъ на основаніи анализа библейскихъ текстовъ: сердце (въ сущности даже не само сердце, а одинъ изъ его желудочковъ) есть жизненный центръ человѣческаго существа, въ которомъ осуществляется сляніе человѣка съ божествомъ; оно является, по ученію Веданты, вмѣстилищемъ духа-Атмана, отождествляемаго съ Богомъ Ведь-Брахманомъ (пользуемся транскрипціей Вышеславцева).

Къ сожалѣнію Вышеславцевъ ограничивается весьма краткимъ изложеніемъ этого ученія и нѣсколько, на нашъ взглядъ, поверхностной критикой индійской мистики. По его словамъ индійская мистика ведетъ либо къ «теософскому пантеизму» (Веданта), либо къ «антропософскому атеизму» (Санкья — безусловная каноничность которой намъ представляется спорной), — въ зависимости отъ того, въ какомъ изъ двухъ членовъ тождества «Атманъ есть Брахманъ» — заключается онтологиче-

скій центръ тяжести — въ Атманѣ ли (самость), имѣющемъ свое пребываніе въ сердцѣ человѣка или въ Брахманѣ (т.-е. въ Богѣ).

Можно ли такъ безоговорочно противопоставлять обязательную индивидуальную самость Атмана («мое высшее Я») универсальности и божественности Брахмана? Взаимоотношеніе между Атманомъ и Брахманомъ намъ кажется и проще (если толковать упомянутое тождество, какъ христіанское «Богъ есть духъ») и сложнѣе, если его сопоставить съ ученіемъ о Пурушѣ, т.-е. о Брахманѣ въ его человѣческомъ аспектѣ, имѣющемъ пребываніе въ сердцѣ человѣка. Болѣе подробный разборъ этого ученія, о которомъ въ книгѣ сказано нѣсколько словъ, съ очевидностью доказалъ бы, что слѣдуетъ съ большой осторожностью навѣшивать европейскіе философскіе ярлыки на понятія индусской священной литературы.

Тѣмъ не менѣе методъ Вышеславцева, заключающійся въ использованіи священныхъ книгъ Востока для уясненія нѣкоторыхъ вопросовъ христіанской проблематики, представляется намъ чрезвычайно цѣннымъ. И, въ заключеніе можно только выразить сожалѣніе, что авторъ сравнительно мало мѣста удѣлилъ собственно ученію о сердцѣ, посвятивъ почти всю вторую половинку книги размышленіямъ на тему о возможности разрѣшенія антиноміи онтологически заданной безгрѣшности человѣческаго сердца («не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ» Рим. 7, 17) и, одновременно его фактической грѣховности («ожесточенное» сердце).

Мы позволимъ себѣ выразить надежду, что Б. Вышеславцевъ въ своихъ трудахъ еще вернется къ ученію о сердцѣ.

Гр. П. Бобринской

Алексѣй Холчевъ. Гонимъ. Смертный плѣнъ. Из-во Родникъ. Парижъ. 1930.

Стихи А. Холчева сразу останавливаютъ вниманіе и не только своей явной, бросающейся въ глаза талантливостью, но еще и тѣмъ, что за каждой, даже неудачной строкой Холчева чувствуется настоящее, большое человѣческое содержаніе. Послѣднимъ они рѣзко, выгодно, отличаются отъ тѣхъ изящныхъ литературныхъ упражненій, которыя во всѣ эпохи, въ томъ числѣ и въ нашу охотно титулуются поэзіей, безъ всякаго на то права.

Холчевъ, повторяю, очень талантливъ и то что волнуетъ и подчасъ прямо таки «раздираетъ» его имѣть живую и кровную связь съ жизнью и съ искусствомъ. Но, въ то же время ему какъ разъ очень не достаетъ «выучки» — вкуса, литературной грамотности, умѣнія обращаться съ матеріаломъ — (которая сама по себѣ ничего не стоитъ и которой владѣетъ каждый встрѣчный «литературный мальчишка»), которая очень бы помогла Холчеву въ обузданіи и управленіи, клокочущей въ немъ подлинно-поэтической стихіи, куда все необузданной и никакъ неуправляемой. Все таки и теперь сквозь всѣ погрѣшности вкуса и срывы неумѣлости — рѣдкія и примѣчательныя свойства поэзіи Холчева очевидны. Свойства эти большое дыханіе, размахъ, рѣдкая, хотя и поминутно искажаемая сила поэтического воспріятія и поэтического выраженія. Въ часто неумѣлыхъ и грубыхъ стихахъ Холчева — постоянно — то тамъ, то здѣсь мелькаетъ въ искаженномъ и недовершенно видѣ какъ разъ то самое, что, отъ вѣка, состав-